

Министерство образования и науки РФ
Национальный исследовательский
Томский государственный университет
Филологический факультет ТГУ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВИСТИКИ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

Сборник материалов I (XVI)
Международной конференции молодых ученых
(9—11 апреля 2015 г.)

Выпуск 16

Издательство Томского университета 2015

Выпуск I. С. 114.

11. Пушкин А. С. Гробовщик // Пушкин А. С. Полн. Собр. Соч.: В 10 т. Ленинград, 1978. Т. 6. 1978. С. 82.
12. Удодов Б. Т. Пушкин: художественная антропология / Б. Т. Удодов. Воронеж, 1999. 304 с.
13. Пушкин А. С. Стихотворения, 1827–1836 // Пушкин А. С. Полн. Собр. Соч.: В 10 т. Ленинград, 1977. Т. 3. С. 160.
14. Там же. С. 258

ВИРОВЕЦ С. В.

Психология Аркадия Долгорукого как основа художественной целостности романа Ф. М. Достоевского «Подросток»

В данной статье исследуется механизм взаимодействия двух уровней текста, обеспечивающий художественную целостность произведения.

Ключевые слова: Достоевский, роман «Подросток», поэтическая доминанта, психология, «записки», содержание, композиция.

Вопрос о том, что обеспечивает художественную целостность романа «Подросток» на данный момент остается открытым.

Валерий Яковлевич Кирпотин¹ считал, что образ главного героя не в силах собрать все элементы романа воедино, и, подчеркивая второстепенное значение идеи героя, отдает привилегии организующего начала документу, письму Ахмаковой. Именно оно, по мнению исследователя, дает начало сюжетно-фабульному сплетению событий.

Евгений Иванович Семенов² отводил решающую роль в организации поэтики «педагогическому» замыслу писателя. По его мнению, каждая из трех частей романа соответствует этапам воспитания подростка.

Аркадий Семенович Долинин³, опираясь на историю создания, отмечал, что «сердцем» романа становится Подросток и изменения, происходящие в его душе. Однако подробный анализ поэтики не входил в цели исследователя и механизмы реализации изменений в душе Подростка остаются без внимания.

Из приведенного обзора становится ясно, что среди литературоведов нет согласия в том, что принимать за точку отсчета в поэтике романа. Мы предлагаем в качестве таковой психологию героя.

Говорить о категории психологии позволяет форма романа. Перед Достоевским стояла непростая задача: изобразить становление современного подростка. Писатель решает ее довольно необычным в контексте его творчества способом. Он делает своего героя субъектом повествования, автором текста.

Наша гипотеза состоит в том, что психология героя реализуется в его тексте на двух уровнях. Первый уровень, который включает в себя

рефлексию героев и событий, демонстрирует сферу сознания героя. Второй уровень — подсознание, которое выстраивается Достоевским через композицию «записок». Такое предположение возможно, если учитывать специфику цели их написания. Заняться литературным ремеслом Подростка побуждает необходимость в осмыслении всего произошедшего с ним в прошлом году. Подобная цель требует установки на фактичность изложения. Это отмечает и сам Подросток: «Без фактов чувств не опишешь»⁴. Чтобы увидеть целостную картину событий, необходимо изложить их так, как они происходили в действительности, поэтому Подросток всеми силами старается избегать «литературных красот». Следовательно, какие-либо композиционные приемы с его стороны минимальны. Реальный автор, Достоевский, располагая приводимые воспоминания в особом порядке, преследовал цель дать исчерпывающее представление о душевной жизни Подростка. При этом приемы Достоевского не попадают в поле рефлексии героя. Можно сказать, что со своей стороны Подросток выстраивает композицию текста неосознанно. Так реализуется уровень подсознания. Взаимодействие двух уровней является психологией героя. Описание механизма их взаимодействия мы начнем с подсознания.

Текст «записок» делится на части, те в свою очередь на главы, а главы на разделы. В данной работе рассматривается композиция разделов первой главы 1 части.

Первая глава посвящена истории возникновения «случайного семейства». Она состоит из восьми разделов. Непосредственно история начинается с третьего раздела, которая открывается рассказом Аркадия о себе. Затем следуют три раздела, где дается история встречи и совместного проживания Софьи и Версилова, следующий раздел — описание идеи. Подросток заключает историю «случайного семейства» в рамку «я» — «моя идея». Достоевский, через порядок следования разделов показывает, что существует связь между феноменом «случайного семейства» и возникновением идеи. Эта связь отражается в сознании Подростка определенным образом.

Говоря об уровне сознания, необходимо отметить, что Достоевский маркирует ключевой для понимания этой связи фрагмент текста.

Как уже говорилось выше, Подросток старается выстроить текст таким образом, чтобы привести воспоминания и впечатления в порядок. Однако у него не всегда получается выдержать целостной линию повествования, и ее прерывает некий инородный элемент, новая тема. Такой фрагмент является маркированным. Новая тема включается в предыдущую по принципу ассоциации. Для Подростка существуют слова, которые влекут за собой припоминание определенного опыта или ситуации. В тексте такие слова связываются в единый ассоциативный блок.

Основная тематическая линия первой главы — история «случайного семейства». В третьем разделе, Подросток, рассказывая о Макаре Ивановиче

Долгоруком, упоминает о том, что в продолжении всей его, Подростка, жизни, он, как никто другой, вылился на свою фамилию. «Фамилия» — ключевое слово, которое вызывает в памяти опыт, пережитый во время обучения у Тушара. Причиной ненависти к фамилии становится необходимость отчитываться за нее: «Каждый-то раз, как я вступал куда-либо в школу или встречался с лицами, которым, по возрасту моему, был обязан отчетом...»⁵. Кроме «фамилии» в ассоциативный блок связываются также слова «Версиров», «высокомерие», «одиночество». В этой главе, в каждом разделе, где появляется рассказ о фамилии, всегда возникает обвинение Версирова в высокомерии и в том, что с самого детства Подросток был выброшен из семьи.

Феномен обвинения органично связан с феноменом «случайного семейства». Оно называется «случайным», т.к. по закону семейством не является. Подросток, хотя и носит фамилию Долгорукий, приходится родным сыном Версирова. О том, что его унижает неопределенность социального положения, мы узнаем через замечание о фамилии, в частности, через фразу «был обязан отчетом». Чтобы избежать унижения, Подросток ищет способ снять вину за эту неопределенность с себя и переложить ее на Версирова. Он упоминает, что в конце концов на вопрос о фамилии он стал отвечать, что он незаконнорожденный сын Версирова. Так Подросток предстает жертвой, а не преступником в глазах общества. Обвинение в выброшенности — это также следствие унижения. У Достоевского униженный человек всегда чувствует себя изолированным от общества. То же происходит и с Подростком. Чтобы снова стать полноценным членом общества, необходимо оправдаться перед ним.

Это желание реализуется в виде идеи. Говоря об идее, Подросток употребляет слово «удинение». Пара «одиночество» и «удинение» имеет одно денотативное ядро, но разные сигнификативные оттенки. «Удинение» в отличие от «одиночества» всегда добровольно. Сущность идеи заключается в том, чтобы уединиться от людей за счет нравственного возвышения над ними. Здесь можно проследить причину включения в идею «высокомерия».

Таким образом реализуется механизм взаимодействия двух уровней произведения. Композиция разделов говорит нам о том, что существует связь между «я» Подростка, каким мы видим его сегодня, его идеей и феноменом случайного семейства. Обращаясь к содержанию, мы выделяем ключевой в данной главе фрагмент, который уточняет, как именно связаны между собой заявленные в композиции явления. В итоге мы получаем детальный, насколько это возможно в рамках одной главы, психологический портрет героя.

Примечания

1. Кирпотин В. Мир Достоевского. — М.: Советский писатель, 1983. — С. 277–316

2. Семенов Е. И. Роман Достоевского «Подросток». — Л.: Наука, 1979. — С. 51–125.
3. Долинин А. С. Как создавались «Подросток» и «Братья Карамазовы». — М. Л.: Советский писатель, 1963. — 342 с.
4. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений и писем: в 30 тт. — Л.: Наука, 1972–1990. — С. 16
5. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений и писем: в 30 тт. — Л.: Наука, 1972–1990. — С. 7

ВОЛКОВ И.О.

Русское Средневековье в «Степном Короле Лир» И.С. Тургенева (к проблеме шекспиризма)

В докладе исследуется характер исторического мышления И.С. Тургенева, масштаб эстетической рефлексии и обращение писателя к шекспировской традиции в период работы над повестью «Степной король Лир».

Ключевые слова: Иван Грозный, Василий Тёмный, «Степной король Лир», шекспиризм, М.М. Антокольский.

Обращение И.С. Тургенева к трагедии В. Шекспира «Король Лир» в повести «Степной Король Лир» (1870) обусловлено историческим пониманием писателя кризисного характера пореформенного десятилетия русской жизни. Шекспиризм Тургенева в повести «Степной Король Лир» проявляется в нескольких аспектах, это 1) глубина философского осмысления трагического конфликта жизни и смерти, добра и зла; 2) выбор сюжета, мотивов и образов, отмеченных драматическим развитием; 3) поэтика повествования, жанровый и стилистический синтез, характеризующийся сочетанием эпического начала с трагическим. Наиболее ярко шекспиризация проявилась в принципах создания образа главного персонажа — Харлова, в частности, в организации хронотопа повести, характеризующегося включением в произведение исторического материала как способа выявления масштабности духовных противоречий героя и русской жизни в их национальной и общечеловеческой значимости.

В художественное пространство повести вводится эпоха Средневековой Руси. В фокусе тургеневского видения находятся две фигуры — это князь Василий Тёмный (1415–1462) и царь Иван Грозный (1530–1584). Историю своего происхождения герой рассказывает сам: «Наш род от вшеда (он так выговаривал слово швед); от вшеда Харлуса ведется, — уверял он, — в княжение Ивана Васильевича Темного (вон оно когда!) приехал в Россию; и не пожелал тот вшед Харлус быть чухонским графом — а пожелал быть российским дворянином и в золотую книгу записался. Вот мы, Харловы, откуда взялись!..»¹. Принципиальную значимость здесь имеет тот факт, что Мартын Петрович в своём сознании и представлении совершенно искренне и твёрдо соединяет в одну две исторические фигуры, связанные